

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ.

Для всякаго очевидно, что тѣ техническія занятія, которыя существуютъ ради необходимѣйшихъ, непосредственныхъ нуждъ общества, какъ вызываются, такъ и поддерживаются въ своемъ существованіи, этими же нуждами. По видимому, это же простое соображеніе должно быть принято въ руководство и при оцѣнкѣ дѣятельностей высшаго рода. Все должно соизмѣряться съ существующими потребностями общества; общество, съ принадлежащими ему потребностями, есть цѣль, которой должны быть подчинены безусловно всѣ роды человѣческой дѣятельности.

Всегда ли однако указанная здѣсь точка зрѣнія приводитъ къ правильной оцѣнкѣ духовныхъ дѣятельностей? Не всѣ потребности, въ равной степени, по природѣ существуютъ; нѣкоторыя должны быть предварительно возбуждены и развиты въ извѣстной мѣрѣ, дабы могли существовать и развиваться далѣе. И тогда, какъ извѣстная потребность духовная существуетъ дѣйствительно, очень возможно, что она не создается ясно. Поэтому, было бы слишкомъ опрометчиво отвергать извѣстный родъ дѣятельности, основываясь единственно на томъ, что общество не находитъ для себя въ немъ надобности.

Если мы спросимъ, какъ относится у насъ общественное мнѣніе къ философіи, то, кажется, мы безошибочно можемъ сказать, что всѣ болѣе или менѣе охотно признають ее бесполез-

ною, не природною ни для какой цѣли, сколько нибудь важной въ общественной жизни. Но совершенно иное мы должны утверждать, какъ скоро вопросъ о философіи поставленъ такимъ образомъ: существуетъ ли въ человѣствѣ потребность, дѣлающая философію необходимою для науки или для жизни.

Чтобы не заходить въ область отвлеченныхъ разсужденій, мы обратимся къ исторіи и напомнимъ нѣкоторые знаменательные, въ этомъ отношеніи, факты.

Бываютъ эпохи, когда побужденіе къ философствованію является въ огромномъ классѣ людей, обнаруживаясь въ извѣстномъ направленіи умственныхъ силъ, или въ совокупности идей, характеризующихъ цѣлый періодъ времени. Такъ было въ древности въ Греціи въ эпоху софистовъ. Софисты,—это были общественные наставники, обучавшіе юношество за условленную плату искусству мыслить, говорить и дѣйствовать, какъ выражается и Сократъ; люди, обладавшіе разнообразными талантами, представители образованности своего времени. Переходя изъ города въ городъ, софисты по всюду собирали вокругъ себя толпу слушателей, хвалились искусствомъ говорить много и краснорѣчиво о любомъ предметѣ, готовы были во всякое время съ кѣмъ бы то нибыло вступить въ состязаніе, при чемъ имѣлось въ виду показать свое діалектическое искусство, ловкость и изворотливость мысли и слова въ самомъ веденіи диспута. Въ половинѣ V стол. до Р. Хр., благодаря софистамъ, діалектическое искусство является предметомъ общаго увлеченія въ Аѳинахъ. И это понятно. Народное воспитаніе въ Греціи было не въ состояніи образовывать мышленіе до степени свободного сознательнаго искусства; средства образованія, бывшія тогда въ употребленіи: поэзія и гимнастика, дѣйствовали на волю и чувство, между тѣмъ какъ мышленіе оставалось въ состояніи инстинктивномъ. Запасъ потребныхъ для ежедневнаго обихода мыслей, идей и сужденій передавался по преданію, практическимъ путемъ взаимнаго обще-

— 3 —

нія въ частной и гражданской жизни. Поэтому діалектика, какъ искусство преднамѣренно направлять процессъ мышленія къ извѣстному результату, посредствомъ длиннаго ряда вопросовъ, опредѣленій и раздѣленій,—не могла не быть для аѳинскаго юношества увлекательною новостію. Если испытаніе физическихъ силъ въ то время возбуждало необычайное соревнованіе, то понятно, какой живой интересъ должна была вызвать въ обществѣ умственная гимнастика, при помощи которой достигались самообладаніе и цѣлесообразное употребленіе умственныхъ силъ, бывшихъ прежде во власти привычки. Діалектическое искусство безспорно могло быть лучшимъ орудіемъ развитія свободной умственной дѣятельности; во взаимномъ состязаніи мнѣній крѣпили умственные силы, въ слововыраженіяхъ и оборотахъ языка представлялся обильный матеріалъ для умственной обработки, посредствомъ которой образовался постепенно точный языкъ науки. Не даромъ Платонъ діалектику называетъ божественнымъ искусствомъ.

Но какъ искусство формальное, діалектика могла служить орудіемъ не только для положительно-философскаго, но и для отрицательно-софистическаго направленія мысли. Иной характеръ діалектика имѣетъ въ философіи Платона и Сократа и совершенно иной у софистовъ.

Какъ скоро для діалектики не полагалось иной цѣли, кромѣ умѣнья доказывать свои мнѣнія, каковы бы ни были онѣ по своему достоинству, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, она стала служить средствомъ оправданія эгоистическихъ побужденій, которые, при ея помощи были возводимы на степень принциповъ. Общепринятые понятія о справедливомъ и должномъ, о добромъ и полезномъ, о законѣ и правѣ, стали отвергать, какъ стѣсняющія свободу личной жизни.

Послѣ софистовъ, какъ извѣстно, въ особенности въ средніе вѣка, діалектика превратилась въ формальную систему ум-

ственной дисциплины, которая постепенно усложнялась множеством мелочных искусственных правилъ.

Когда въ исходѣ среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ возрожденіемъ классицизма, обнаружилось сильное движеніе въ естествознаніи, то естественно-научный образъ мысли не могъ оставаться безъ важныхъ послѣдствій и для философіи. Бэконъ положилъ начало индуктивной, или такъ назыв. эмпирической философіи. Послѣ него, Локкъ въ томъ же направленіи развилъ свое ученіе о происхожденіи идей. Вольтеръ, своими письмами объ Англіи, познакомилъ французовъ съ философіею Локка и этимъ было положено начало тому возбужденію философской мысли во Франціи, которое разрѣшилось сенсуализмомъ и матеріализмомъ. Впрочемъ, такъ называемая просвѣтительная философія XVII в. есть продуктъ различныхъ философскихъ вліяній. Кромѣ философіи Локка, въ ней отразились слѣды скептицизма Бейля и догматизма Декарта. Къ идеѣ, выраженной Бейлемъ, о независимости нравственной жизни отъ религіозной вѣры, примыкаютъ всѣ нападенія философовъ того времени на религію вообще и христіанство въ особенности. Слѣдуя Локку, чувственный опытъ признавали единственнымъ источникомъ всѣхъ вообще идей, и во имя опыта отвергались всякія понятія о сверхъчувственномъ; однакоже хотя и много говорили объ опытѣ, но ясныхъ понятій о томъ, что такое опытъ, какъ далеко простирается онъ и какъ имъ пользоваться,—не было въ то время. Вліяніе Декарта очевидно въ господствовавшемъ тогда механическомъ воззрѣніи на природу, которое обнаруживается какъ въ безуспѣшныхъ попыткахъ—создать механическими средствами подобіе живаго человѣка, такъ и въ матеріалистическихъ ученіяхъ того времени.

Наше время имѣетъ много общаго, въ философскомъ отношеніи, съ прошлымъ столѣтіемъ. Матеріалистическое направленіе и теперь также довольно широко распространено въ массахъ образованныхъ классовъ. Но оно имѣетъ и свои особенности. Сове-

менные материалисты свои воззрѣнія обыкновенно выдаютъ за естествонаучные выводы и необходимыя предположенія опытной науки. Въ XVIII столѣтіи, представители материализма и сами признавали себя философами и общее мнѣніе утверждало за ними такое названіе. Тогда ссылались не только на опытъ, но, также любили призывать во свидѣтельство разумъ, здравый разсудокъ; современные же материалисты съ недовѣріемъ относятся къ разуму, зная, что разумъ произвелъ ненавистную для нихъ философію идеалистическую. Въ XVIII в. представителями материалистическаго образа мыслей были люди съ большими талантами, имѣвшіе авторитетъ въ высшихъ аристократическихъ сферахъ. Новѣйшій материализмъ не имѣя никакой для себя опоры въ наиболѣе образованныхъ кругахъ, глубже за то проникаетъ въ массы и, что хуже всего, вліяніе его здѣсь обнаруживается въ практической жизни, не ограничиваясь теоретическими понятіями.

Всматриваясь въ общій характеръ возбужденія общественной мысли, бывшаго въ разныя времена, мы должны признать, что не научныя какія либо открытія, не знанія были причиною умственнаго движенія; нѣтъ, въ немъ очевидно обнаруживается всегда потребность — имѣть руководительныя идеи какъ для познанія, такъ и для дѣятельности практической; стремленіе къ самообразованію, вотъ что было движущимъ мотивомъ общественной мысли въ указанные эпохи. Философія рождается изъ этой потребности и должна, ей служить. Какъ умственная дѣятельность имѣющая цѣлью самообразование, философія очевидно не можетъ въ готовомъ видѣ быть передаваема другимъ и пассивно ими усвояема, подобно тому, какъ знанія сообщаются отъ однихъ къ другимъ. Сократъ говорилъ о себѣ, что своими бесѣдами онъ только помогаетъ рожденію мыслей у другихъ. Таковъ дѣйствительно характеръ распространенія и сообщенія философскихъ идей, воспринимая философскую мысль отъ другаго, каждый болѣе или менѣе дѣятельно участвуетъ и самъ въ образованіи, въ дальнѣй-

шемъ развитіи, видоизмѣненіи ея. Отсюда понятно что, насколько школа есть необходимый органъ распространенія знаній, настолько же она оказывала всегда неблагопріятное вліяніе на философію и истинный духъ философіи, въ лицѣ лучшихъ представителей ея, всегда противился школьному доктринерству. Замыкаясь въ школѣ, философская идея получаетъ сухой систематическій образъ выраженія, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію пріобрѣтаетъ силу авторитета, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальное философское значеніе.—Вотъ почему всякое новое движеніе философской мысли всегда направлялось противъ застарѣлыхъ школьныхъ понятій. Замѣчательно, что въ древности унадокъ философской мысли начинается съ того времени, когда, послѣ Платона и Аристотеля, образовались философскія школы, гдѣ философія является просто предметомъ эрудицій. На первыхъ же порахъ своей школьной замкнутости, философская производительность увеличивается количественно, но въ такой же степени понижается внутренняя сила ея. Сократъ ничего не писалъ, но можно ли сравнивать его плодотворную философскую дѣятельность съ безплодною дѣятельностію напр. Хризиппа, написавшаго болѣе 700 книгъ. Первые представители новой философіи прервали всякую связь со школьными преданіями въ области философіи. Чуждаясь школьной исключительности, Декартъ заботился о распространеніи своей философіи въ обществѣ, и для того писалъ свои сочиненія на французскомъ, а не на латинскомъ языкѣ.

Философія должна служить общечеловѣческой потребности самообразованія. Поэтому она никакъ не можетъ оставаться замкнутою въ школахъ и быть исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ личностей. Мы видѣли что философское побужденіе не рѣдко съ особенною силою обнаруживается въ цѣлыхъ обществахъ. Это обыкновенно бываетъ тогда, когда чувствуется недовольство соществующимъ состояніемъ жизни, или же, какъ было въ Греціи, если, съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія общества,

раждается въ немъ потребность духовнаго наслажденія, въ особенности почерпаемаго въ умственной дѣятельности. Это именно обстоятельство, что философское побужденіе раждается въ обществѣ, по поводу недовольства существующимъ состояніемъ жизни въ какомъ либо отношеніи, и служить причиною того, что обыкновенно и философское настроеніе въ массахъ получаетъ направленіе отрицательное. Мы видѣли также, какимъ образомъ удовлетворяема была пробудившаяся въ обществѣ потребность философскаго образованія. Являющіеся при этомъ руководители общественнаго сознанія, вмѣсто того чтобы возвышать его, напротивъ, сами нисходятъ до обыкновеннаго его уровня. Сенсуализмъ и матеріализмъ вотъ наиболѣе сподручный образъ воззрѣній для большинства, потому что онъ ближе всякаго иного къ непосредственному чувственному сознанію и въ тоже время благопріятствуетъ отрицательному настроенію умовъ; при томъ же, по причинѣ своей неопредѣленности, удобно можетъ совмѣщать въ себѣ разнородныя побужденія и стремленія практической жизни. И вотъ мы видимъ, что, когда время благопріятствуетъ общему возбужденію умовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе берутъ на себя задачу доставлять удовлетвореніе общественной потребности и распространяютъ обыкновенно, такъ легко усвояемый массами, матеріалистическій образъ мыслей. Чему были обязаны софисты, столь блестящимъ успѣхомъ своей публичной дѣятельности? Единственно тому, что они не только не содѣйствовали возвышенію общественнаго сознанія, напротивъ и сами не были выше его уровня. Сократъ, Платонъ, Аристотель не могли равняться съ ними по обширности вліянія. Вальтеръ хотѣлъ быть популярнымъ и это ему удалось какъ нельзя болѣе, благодаря тому что онъ не старался дѣйствовать на общество образовательно. Матеріалистическій споръ, говоритъ Г. А. Lange, все же служитъ напоминаніемъ для образованной публики, легко удовлетворяющейся, что сверхъ обыденной привычки труда и заботъ есть безконечная

область вопросовъ, участіе къ которымъ облагораживаетъ и освѣжаетъ духъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что не ради матеріализма пробуждается въ обществѣ интересъ къ высшимъ вопросамъ, матеріализмъ является только какъ удобное средство удовлетворенія уже явившейся потребности, совершенно отъ него независимой, матеріализмъ скорѣе способенъ заглушить высшія потребности умственныхъ силъ. Идіалистическіе элементы, которыхъ обыкновенно не чуждъ бываетъ матеріализмъ, не принадлежатъ ему и составляютъ въ немъ непослѣдовательность.

Потребность, лежащая въ основаніи философіи, заключается въ недоступной для разсудочнаго анализа способности человѣка къ самоопредѣляемости. Способность эта есть необъяснимое, но каждымъ сознаваемое, побужденіе къ образованію руководящихъ идей для своей дѣятельности и обсужденія ея.

Въ наукѣ это побужденіе рождаетъ философскую критику понятій, а также обнаруживается въ стремленіи къ созданію цѣльныхъ и стройныхъ воззрѣній, образуемыхъ на основаніи эмпирическихъ знаній и долженствующихъ собранныя свѣдѣнія привести въ согласіе съ требованіями нашего разума.

Что касается философской критики понятій, то едвали кто сомнѣвается въ важномъ значеніи ея для науки. Эмпирическій методъ науки направляетъ вниманіе изслѣдователя, исключительно на объективную сторону наблюдаемыхъ явленій. Между тѣмъ, умственное воспріятіе добытаго наблюденіемъ матеріала происходить не безъ вліянія субъективныхъ элементовъ, при чемъ въ сознаніи возникаетъ не рѣдко множество подобныхъ представленій, оказывающихъ существенное дѣйствіе на образованіе изъ собранныхъ свѣдѣній научнаго понятія. Дѣло философской критики,—представить отчетъ о такого рода побочныхъ представленіяхъ и элементахъ субъективнаго происхожденія. А какъ важна эта задача, можно судить уже потому, что побочныя представленія, примыкающія къ эмпирическимъ знаніямъ, могутъ иногда

образовать цѣлую систему воззрѣній, неимѣющихъ никакой необходимой связи съ знаніями и однако приводящихъ къ ложному истолкованію фактовъ. Таковъ наир. матеріализмъ. Философская критика подобныя воззрѣнія, могущія оказать неблагоприятное вліяніе на научныя понятія, обращаетъ, между тѣмъ, въ орудіе къ расширенію научныхъ знаній. Для защиты своихъ воззрѣній, матеріализмъ долженъ былъ изыскивать опытыя свѣдѣнія, въ особенности относительно вопросовъ антропологическихъ. Въ слѣдствіе этого, явились новыя отдѣлы научныхъ изысканій, значительно обогатившіе науку. Съ другой стороны и тѣ опытыя свѣдѣнія, къ пособію которыхъ долженъ былъ обращаться матеріализмъ, оцѣнены по достоинству только при помощи философской критики. Вообще, въ наукѣ, для достиженія точныхъ знаній, сознательный процессъ наблюденія необходимо долженъ сопровождаться и контролироваться самосознательнымъ процессомъ мышленія, или философскою критикою. Ибо и въ границахъ опытнаго наблюденія неизбѣжно возникаютъ такого рода понятія, оказывающія важное вліяніе на познаніе, которыя не могутъ быть выводимы изъ опыта и составляютъ предметъ философскаго изслѣдованія.

Отъ аналитической дѣятельности мышленія философскаго, которая проявляется въ критикѣ понятій, должно различать синтетическую, организующую дѣятельность. Собственно эта сторона всего болѣе подвергается нападеніямъ и возбуждаетъ недовѣріе, даже непріязнь къ философій. Дѣйствительно, въ философскихъ ученіяхъ неизбѣжны односторонности, увлеченія и заблужденія, но не это, а только пристрастное, несвободное отношеніе къ философской системѣ заслуживаетъ порицанія. Истинному духу философій одинаково противоборѣчать какъ рабское поклоненіе какой либо системѣ, такъ равнымъ образомъ и враждебное отношеніе вообще къ философій и въ частности къ извѣстнымъ философ. ученіямъ. Философская критика, — вотъ единственное орудіе про-

тивъ заблужденій философіи. Въ наше время не рѣдко встрѣчается непріязненное отношеніе ко всякимъ вообще систематическимъ построеніямъ. Нельзя не признать, что такое отношеніе ко всему систематическому не согласно съ истиннымъ характеромъ критики, и даже можетъ быть также названо систематическимъ. Впрочемъ, едва ли кто станетъ отрицать необходимость и важность стремленія къ систематизированію въ наукѣ. Оно обнаруживается въ построеніи классификацій и научныхъ теорій. Правда, философскія ученія должно различать отъ научныхъ теорій. Научная теорія данные факты выводитъ изъ другихъ фактовъ, какъ ихъ причинъ (объясняетъ происхожденіе факта), или изъ законовъ (объясняетъ образъ существованія явленій); философія же данное познаніе приводитъ къ соглашенію съ принципами и требованіями разума. Однако, если должно преслѣдовать духъ системы въ философіи, то иѣтъ основанія щадить его въ наукѣ. Стремленіе къ систематическому, философскому изъясненію познанаго столь же необходимо, какъ необходимы теоріи въ наукѣ. Цѣль его—установленіе единства въ приобретенныхъ познаніяхъ, но единства гармоническаго, а не однообразно-формальнаго.

Сознаніе необходимости и важности такого стремленія побуждаетъ насъ утверждать что, лишь по недоразумѣнію, можно признавать духъ системы, преимущественно свойственный философіи, противорѣчащимъ истинному духу науки. Въ одной статьѣ, трактующей о духѣ естествознанія, авторъ ея ученый профессоръ, вотъ какъ изображаетъ противоположность между духомъ системы и духомъ научнаго изысканія. Духъ изысканія, говоритъ онъ, дѣлаетъ шагъ впередъ лишь за тѣмъ, чтобы укрѣпившись на немъ, шагнуть далѣе: мы ищемъ не вещи, а изысканіе вещей, говоритъ Паскаль; духъ системы обращаетъ насъ назадъ къ пройденному пути и успокоиваетъ, нерѣдко усыпляетъ пытливость; духъ изысканія стремится раздробить, растворить, разложить новый предметъ; духъ системы спѣшитъ снести его на

полку подъ приготовленный ярлыкъ; духъ изысканія открываетъ въ извѣстномъ новыя неизслѣдованныя стороны, духъ системы встрѣчаетъ, или показываетъ, по крайней мѣрѣ, видъ что встрѣчаетъ только знакомыхъ; духъ изысканія имѣетъ дѣло съ сомнѣнiями и вопросами, духъ системы ничему не удивляется, хотя нерѣдко лишь притворяется, что ему все ясно.¹⁾ Противоположность между духомъ системы и духомъ изысканія здѣсь выставляется въ такомъ видѣ, какъ будто оба эти стремленiя не могутъ уживаться вмѣстѣ, взаимно исключаютъ другъ друга. Справедливо, что синтезъ есть преобладающее въ филосоfи направление умственной дѣятельности и это направление развивается иногда до исключительной крайности; равнымъ образомъ, въ естествознанiи нерѣдко весь успѣхъ дѣла полагаютъ въ аналитическомъ изслѣдованiи отдѣльныхъ явленiй. Но удивительно то, что въ этомъ-то крайнемъ направленiи эмпирическаго изысканiя авторъ и видитъ истинный духъ естествознанiя. Авторъ забываетъ, что и въ дѣлѣ научнаго изысканiя руководящiя идеи, болѣе или менѣе широкiя воззрѣнiя, столь же необходимы, сколь для философскаго мышленiя необходимы эмпирическiя знанiя. Истинный духъ естествознанiя требуетъ не исключенiя духа системы, а уравниовѣшенiя этого духа съ духомъ изысканiя. Духъ системы и духъ изысканiя—это раздѣленiе одного и того же труда, которое ни въ какомъ случаѣ не должно быть доведено до крайности. Если бы это были двѣ разнородныя дѣятельности, то не было бы основанiя для нихъ и враждовать; только крайности одного и того же враждуютъ; между тѣмъ не вражда, а миръ есть необходимое условiе здраваго научнаго изслѣдованiя. Авторъ приводитъ слѣдующее замѣчанiе Либиха: философы, говорить онѣ съ иронiею о людяхъ системы, важно восходить на свою башню и бросаютъ взоры на насъ, какъ на дѣтей, играющихъ пестрыми

---

¹⁾ Русскiй Вѣстникъ 1867, январь.

камешками; станція этихъ господъ слишкомъ высоко, чтобы они могли увидѣть потъ, который струится съ нашего чела, склонившагося надъ тяжелою работою; между тѣмъ, то что они зовутъ тяжелою работою, мы дѣлаемъ въ наши минуты отдохновенія. Авторъ нашъ, съ своей стороны, также замѣчаетъ: изысканіе требуетъ тѣлесной работы, борьбы съ безчисленными мелкими затрудненіями, специальныхъ приемовъ, техники, ремесла. Мы находимъ страннымъ всякое препирательство о томъ, что труднѣе и почтеннѣе: естествонаучное изысканіе, или философское мышленіе, хотя не можемъ не замѣтить, что техника, специальные приемы, необходимые въ естествознаніи, не только не усиливаютъ, напротивъ облегчаютъ трудъ, тогда какъ мышленіе философа постоянно должно быть бдительнымъ, не поддаваясь силѣ привычекъ. Въ особенности странно смотрѣть на философское мышленіе, какъ на развлеченіе въ часы досуга. Не потому ли въ самомъ дѣлѣ Либихъ, такой знаменитый ученый, высказываетъ такіа неожиданныя положенія, не происходитъ ли это отъ того, что мышленіе для него есть развлеченіе? Въ той же статьѣ, изъ которой взято выше приведенное замѣчаніе его о философахъ, онъ говоритъ: эмпирическое естествоиспытаніе въ обыкновенномъ смыслѣ совершенно не существуетъ. Экспериментъ, которому не предшествуетъ теорія, то есть идея, относится къ естествознанію также, какъ бряцаніе дѣтской игрушки относится къ музыкѣ и еще рѣшительнѣе онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: въ естествознаніи всякое изслѣдованіе дедуктивно, или апіорно; экспериментъ есть только вспомогательное средство для процесса мысли, подобно вычисленію; мысль во всѣхъ случаяхъ и необходимо должна ему предшествовать, чтобы онъ могъ имѣть какое либо значеніе. Выходитъ что идеи, образуемыя мышленіемъ, не пустое дѣло и для естествознанія. Впрочемъ и нашъ авторъ также замѣчаетъ, что естествоиспытатель не долженъ быть чуждъ того философскаго духа, который, не принадлежа ни къ какой системѣ, долженъ господствовать

вать во всѣхъ наукахъ,... ибо онъ представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ познанію неизвѣстнаго, ту пытливость, которая поддерживаетъ священный огонь изысканія. Что же разумѣется здѣсь подъ общимъ философскимъ духомъ,—остается неяснымъ. Если это есть стремленіе человѣческаго ума къ познанію неизвѣстнаго, то развѣ оно не обнаруживается также въ философскихъ системахъ, развѣ это не плодъ той пытливости ума, которая поддерживаетъ священный огонь изысканія? Отвергая всякое родство матеріализма съ естествознаніемъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, авторъ напрасно слагаетъ вину за него на свойственный философіи духъ системы. Къ философіи матеріализмъ также относится, какъ и къ естествознанію. Но имѣя въ виду приведенное выше замѣчаніе Либха, что естествоиспытатели только въ минуты отдохновенія дѣлаютъ то, что философы зовутъ тяжелою работою, нельзя удивляться, если занятіе естествознаніемъ многихъ приводитъ къ матеріализму. Съ философской точки зрѣнія, матеріализмъ дѣйствительно есть ничто иное, какъ развлеченіе въ области мысли. Необходимо, чтобы мышленіе дѣйствительно было серьезнымъ трудомъ, а не отдохновеніемъ въ часы досуга.

Мм. Гг!

Общее образованіе, безспорно, есть необходимое условіе здраваго умственного развитія. Но оно только тогда можетъ имѣть такое значеніе, когда пролагаетъ путь къ самообразованію. Какія бы науки и средства ни были признаны наиболѣе годными для общаго образованія, если оно будетъ состоять въ механическомъ усвоеніи, въ пассивномъ воспріятіи учебнаго матеріала, тогда оно не можетъ принести желаемыхъ плодовъ. Образованіе должно быть настолько пассивнымъ для образующагося, насколько это необходимо, чтобы возбудить и укрѣпить потребность самообразованія. Затѣмъ и специальное, повидимому самостоятельное,

изученіе науки не всегда также сопровождается самообразованіемъ, и потому ученая спеціальность перѣдко уживается съ нравственною и умственною грубостію. Философія служитъ потребности самообразованія. И такъ и общее образованіе не должно быть лишено философскаго элемента, тѣмъ болѣе специальное образованіе должно соединяться съ образованіемъ философскимъ.

Высказываются иногда требованія народности въ наукѣ. Но наука есть достояніе общечеловѣческое; философія же, напротивъ, всегда имѣетъ характеръ національный, ибо она есть выраженіе самосознанія народнаго духа. Поэтому и въ наукѣ національный характеръ имѣетъ мѣсто настолько, насколько она является предметомъ философской обработки и испытываетъ на себѣ вліяніе философскихъ идей. Будучи выраженіемъ самосознанія, философія, въ то же время, пролагаетъ путь къ самосознанію, развиваетъ и расширяетъ его.

Такимъ образомъ, и интересы научнаго и интересы общаго національнаго развитія необходимо требуютъ широкаго распространенія въ образованные классы общества серьезнаго философскаго образованія.

И. Линицкій.

